

В это время из-за двери снова высунулась голова, и послышался сонный голос:

— Господин, Бехун только что задремала, принести обед сейчас?

Бехун высунулась, увидела Лоу Бэйиня, замерла, а затем радостно воскликнула:

— Господин Лоу! Господин Лоу будет обедать с господином?

Лоу Бэйинь мягко улыбнулся:

— Хорошо, не знаю, что на это скажет Шутин?

— Для меня, конечно, большая честь.

Увидев, что обедать будут двое, Бехун проводила их в расположенный неподалёку изящный павильон у воды под названием «Дом Икань». Оба, словно по молчаливому согласию, больше не касались омрачающей настроение темы Призрачного Чужака, а, отбросив статусы, как два ровесника-друга, пустились в рассуждения о древности и современности. Не раз Сяо Чжоухэн невольно восхищался: этот чжуаньюань и вправду выдающийся — не только красив, но и красноречив, в каждом движении — изящество, и ни капли высокомерия. За один обед он буквально вознёс Сяо Чжоухэна до небес.

Час прошёл, и Лоу Бэйинь, сославшись на дела с господином Люем, ушёл первым.

Попрощавшись с Лоу Бэйинем, Сяо Чжоухэн увидел служанку, передавшую, что двадцатая младшая госпожа Лунша немного простудилась, подхватила ветрянку и не сможет прийти на послеобеденный урок. Сяо Чжоухэн с беспокойством расспросил о ней, затем вспомнил, что сегодня пятнадцатый день — праздник духов, вечером все женщины пойдут поклониться предкам, да и самому через несколько дней нужно на одну встречу, поэтому велел той служанке передать остальным двум молодым господам, что на несколько дней занятий не будет.

Распорядившись, Сяо Чжоухэн уже собирался вернуться в свою комнату, но, проходя мимо кипариса, поднял глаза и увидел вдалеке, в коридоре, Ли Юньвэя и телохранителя по имени Даньти. Сяо Чжоухэн знал, что этот телохранитель был немым иноземцем при пятнадцатом молодом господине Ли Юньвэе. Даньти быстро жестикнул перед Ли Юньвэем, лицо его покраснело, и, будучи не в силах говорить, он издавал из горла булькающие звуки. Кажется, Даньти заметил позади Сяо Чжоухэна, потому что мгновенно замолк, быстро убрал руки, поклонился и отступил. Увидев это, Сяо Чжоухэн поспешил поклониться:

— Прошу прощения, я не намеревался беспокоить пятнадцатого молодого господина, надеюсь, господин не сердается.

— Ничего, господин Цзюэянь, не стоит так церемониться. — Ли Юньвэй не придал этому значения и добавил:

— Сегодня не смог послушать лекцию господина, нарушил обещание, это я должен извиниться перед господином.

— Не смею. В какой день пожелает молодой господин послушать, я расскажу.

Ли Юньвэй кивнул:

— В ближайшие дни не получится. Вы же знаете, вернулся мой восьмой брат, шестого брата

нет, естественно, мне приходится брать эту ночь на себя. — Ли Юньвэй сделал паузу. — Восьмой брат и вправду много трудился, возвращаться домой было непросто, даже верхом ехал, а не в паланкине. Только что Даньти как раз об этом и говорил.

— Даньти?

— Да, он только что мне об этом и рассказывал. — Ли Юньвэй уставился в глаза Сяо Чжоухэна и отчеканил слово за словом:

— Впрочем, ничего важного. Он сказал, что у восьмого брата травма на запястье.

Травма на запястье? Сяо Чжоухэн ощутил глубокое недоумение, не понимая смысла. Не успел он как следует поразмыслить, как услышал, что сзади кто-то остановился.

— Пятнадцатый брат.

Сяо Чжоухэн обернулся и увидел Ли Чжуннаня после лёгкого дождя — в тёмно-синем шёлковом халате, расшитом золотыми нитями узором «черепаший панцирь» и благоприятными травами, с изящной ivory шпилькой в высокой причёске, что делало его ясные глаза ещё ярче, а кожу — подобной нефриту и кости.

Полуденный свет смягчил исхудалость Ли Чжуннаня осенней порой. Их взгляды встретились, словно искры и молнии, некуда было скрыться.

— Господин Цзюэянь. — Ли Чжуннань улыбнулся. — Какая встреча.

Сяо Чжоухэн уставился на улыбку в уголках губ Ли Чжуннаня и не мог отвести глаз.

Как бы он ни переживал из-за недавнего унижения от Ли Чжуннаня, эта улыбка была словно с картины, а не из пыльного мира смертных.

Если бы этот человек перед ним немного поправился, кто знает, каким бы снившимся небожителем он стал. А тот утиный суп, о котором говорила Бехун, возможно, и вправду бы помог.

Мысли Сяо Чжоухэна постепенно поплыли, он видел, как открываются и закрываются рты Ли Чжуннаня и Ли Юньвэя, но что они говорят — совершенно не слышал.

Когда Сяо Чжоухэн пришёл в себя, он увидел, как двое садятся в мягкий паланкин и отправляются в глубину внутренних покоев.

Оставив его одного пройти сквозь сотни цветов, в окружении пышного цветения, с пустыми руками.

Последующие два дня в резиденции всё было спокойно, Сяо Чжоухэн больше не видел Ли Чжуннаня, хотя место, где он жил, было недалеко от Ли Чжуннаня.

Если уж говорить о чём-то действительно достойном упоминания, так это о том, что генерал Ли одержал подряд несколько побед за границей и, возможно, вернётся в резиденцию к концу года.

Сяо Чжоухэн также слышал от Ли Юньвэя, что после того, как Ли Чжуннань показал госпоже Цзэн некоторые вещи, та поверила в личность Ли Чжуннаня. Однако что это были за вещи, Ли Юньвэй толком не знал. Отношение этих нескольких госпож к восьмому молодому господину

тоже было неоднозначным, особенно госпожи Цзэн — независимо от того, был ли этот человек восьмым молодым господином семьи Ли или нет, для её собственного сына от этого не было никакой пользы. Более того, пока не вернётся шестой молодой господин Ли Юньи, никто не мог опрометчиво заключить, что Ли Чжуннань и есть восьмой молодой господин семьи Ли. Поэтому все сердца висели на волоске, боясь, как бы Ли Юньи по возвращении не сказал «нет» и не выгнал этого человека с подозрительной личностью, но обладающего всей прелестью заката и луны, из резиденции.

Ли Чжуннань, казалось, тоже понимал ситуацию и всё время оставался в своём Павильоне Осенних Вод, не шатаясь где попало.

На третий день после возвращения Ли Чжуннаня в резиденцию Ли Сяо Чжоухэн, закончив обед, переписал в комнате несколько коротких стихов прежних авторов, переоделся в только что сшитую новую одежду, отправился на конюшню, нашёл свою чубарую лошадь по кличке «Хуэйи» и выехал из резиденции. Сяо Чжоухэн вскочил на коня и на фоне мелкого дождя в городе Цзиньлин вырвался из леса и умчался прочь, оставляя за собой лишь пыль.

Проехав несколько ли по переулкам Цзиньлина, Сяо Чжоухэн остановился у ничем не примечательного маленького дома, спрыгнул с лошади, но не стал спешить стучать в большие ворота, а сначала привёл в порядок одежду и головной убор, глубоко вдохнул, выдавил на лицо улыбку и лишь затем принялся громко колотить в ворота, крича во весь голос:

— Инь Сиюнь, твой дедушка Цзюэянь пришёл!

Недолго погодя, дверь открылась, и высунулся мужчина примерно того же возраста, что и Сяо Чжоухэн, с притворной досадой:

— Шутин, ты пришёл, так пришёл, зачем так громко? — У этого мужчины была красивая и статная внешность, драконьи брови и фениксовы глаза, поистине изящный молодой господин, не уступающий Сяо Чжоухэну.

— Давай быстрее пропусти дедушку. — Сяо Чжоухэн протиснулся в ворота, швырнул поводья в руки Инь Цзючу и, не глядя на него, сказал:

— Потрудись, молодой господин Инь. А я просто очень по вам соскучился.

Инь Цзючу нахмурился, позвал слугу забрать лошадь и с упрёком сказал:

— Дурак, разве мои руки для таких вещей? — Сяо Чжоухэн, лениво направляясь вглубь дома, ответил:

— Не виделась несколько дней, а у тебя уже такой скверный характер.

Да, этот Инь Цзючу, второе имя Сиюнь, уроженец Цзиньлина, с детства знаком с Сяо Чжоухэном. В отличие от Сяо Чжоухэна, сильного в поэзии и прозе, Инь Цзючу обладал феноменальной памятью, мастерски владел скорописью и уставным письмом, особенно искусен в живописи. Он был одним из «Трёх героев Цзиньлина», идущих нога в ногу с Сяо Чжоухэном, и жители Цзиньлина дали ему прозвище «Хаодянь Луаньпяо».

Поскольку он чрезвычайно дорожил своими руками — чтобы защитить их от ветра и солнца, при пошиве одежды всегда удлинял манжеты на один цунь, а в немного холодные дни обязательно прятал руки в муфты из белого лисьего меха, — эти привычки часто становились поводом для шуток со стороны Сяо Чжоухэна и компании, спрашивавших, так ли он бережёт

руки и во время тех дел.

Не дожидаясь Инь Цзючу, Сяо Чжоухэн последовал за слугой, поднимаясь по ступеням, но никак не мог сдержать бешено бьющееся сердце, в душе ругая себя за никчёмность — только послушал, как Инь Цзючу говорит несколько слов, и уже на лице появился жар. Поднявшись всего на несколько ступенек, он уже смутно услышал частые шаги и шёпот мужчин и женщин.

Когда Сяо Чжоухэн поднялся на второй этаж, всё прояснилось — это был не обычный дом, а задний двор публичного дома под названием «Шуйяньмэй». Сяо Чжоухэн, зная дорогу, толкнул дверь и вошёл в изящную комнату, где служанка сразу же помогла ему снять верхнюю одежду. Он скользнул взглядом по нескольким знакомым лицам, окружённым щебетанием девушек:

— А вот и наш зять из резиденции Ли. — Голос был низким и хриплым, казалось, человек был в ударе, слева и справа обнимая нежных девиц. Сяо Чжоухэн, не поднимая головы, тоже знал, что говорящий — младший сын губернатора Сунцзяна Цзян Хуая, Цзян Жули, второе имя Цзяньцзюэ.

— Не смейся надо мной, если бы не ради пропитания, разве бы я согласился пойти в такое место?

Авторское примечание: Травма на запястье? Сяо Чжоухэн почувствовал глубокое недоумение, не понимая смысла.

<http://bllate.org/book/16134/1444354>